

ЧТО ПОЛУЧАЕТ КЛИЕНТ ОТ ПСИХОТЕРАПЕВТА?

А.Б. ОРЛОВ, Н.А. ОРЛОВА, М.С. ПЕРМОГОРСКИЙ

В данной статье авторы, развивая тезис о психотерапевтическом взаимодействии как аконвенциональной социальной коммуникативной практике, отвечают на два вопроса: «Что это за коммуникация, которая не приводит к выдаче совета?» и «Что же тогда дает (если вообще что-то дает) своему клиенту психолог-психотерапевт?». В рамках авторского триалогического подхода к психотерапии и психологическому консультированию основным дифференцирующим параметром психотерапевтичности взаимодействия является степень персонализации-персонификации психических структур участников общения. На основе представлений о пяти уровнях психотерапевтической коммуникации показано, что для психотерапевтического (персонифицирующего) общения характерны примат слушания над говорением и эмоционального содержания (переживаний и чувств) над когнитивным содержанием (сведениями, информацией), а также безоценочность, эмпатичность, конгруэнтность и... заветность; в то время как для конвенционального (персонализирующего) общения, напротив, характерны примат говорения над слушанием и когнитивного содержания над содержанием эмоциональным, оценочность, аэмпатичность, инконгруэнтность и в результате советование.

Ключевые слова: психотерапия, клиент, психотерапевт, советы, триалогический подход.

«Опасно спрашивать совета.
Стократ опасней давать совет»
Пауло Коэльо

«I do light up...»
Carl Rogers

Проблема

Система ожиданий человека, обращающегося к психологу за помощью, строится по аналогии с принятой в социуме структурой типовой

коммуникации: вопрос — ответ, запрос — совет. В силу этого к психологу, как к любому другому специалисту, приходят за ответом на вопрос и/или за советом на запрос. Однако стоит открыть любой учебник, любое руководство по психологическому консультированию [см., например: Алешина, 2004; Кочюнас, 1999; Мэй, 2002; и др.], как сразу же можно обнаружить, что ни психологическое консультирование, ни психотерапия вовсе не состоят в раздаче советов. В подтверждение этой мысли можно привести множество соответствующих цитат из специальной литературы.

Так, в частности, родоначальник всей современной психотерапии и, следовательно, психологического консультирования, З. Фрейд писал: «Более того, я ручаюсь, что вы заблуждаетесь, допуская, что совет и руководство в делах жизни являются неотъемлемой частью аналитического воздействия. Напротив, мы отрицаем такую роль ментора, насколько это возможно» [цит. по: Мэй, 2002, с. 156].

Реальная психотерапевтическая и консультационная работа психолога-практика с человеком не может быть сведена к выдаче советов, подлинную цену которых так замечательно подметил К. Юнг: «Хороший совет — это сомнительное лекарство, но не особенно опасное из-за малой эффективности» [цит. по: Кочюнас, 1999, с. 135].

Взгляды К. Юнга вполне созвучны самым современным представлениям в данной области: «Дать совет намного проще, чем разобраться в корне проблемы, но и результат прямо пропорционален» [»Для чего...», 2011]. Или: «...хотя подобное замечание [совет] может служить целям некоторых форм психологического воздействия..., оно редко оказывается эффективным психотерапевтическим приемом» [Вайнер, 2002, с. 35].

Корифеи экзистенциально-гуманистического направления в области психотерапии и психологического консультирования [Мэй, 2002; Роджерс, 2008; Ялом, 2005] в своих работах приводят многочисленные примеры выдачи совета и того негативного результата, который возникает, если клиент ему следует. «Совет, предложение, давление по поводу следования одному способу поведения в противовес другому — все это за пределами терапевтической ситуации» — таков их общий вывод [Роджерс, 2008, с. 110].

Можно с уверенностью заключить, что оппонирующие друг другу и конкурирующие друг с другом по многочисленным теоретическим и психотехническим вопросам психологические школы сходятся, по крайней мере, в одном: совет не является ни итогом психотерапевтического взаимодействия, ни его инструментом. Тому есть несколько причин:

- советуя, консультант берет на себя ответственность за происходящее, что не способствует развитию клиента и его адекватному отноше-

нию к действительности; у клиента формируется пассивное и поверхностное отношение к происходящему, увеличивается зависимость от консультанта, что лишь отдаляет самого клиента от окончательных целей консультирования [Алешина, 2004; Роджерс, 2008; Шостром, 2002; Кочюнас, 1999; Вайнер, 2002];

- злоупотребление советами со стороны терапевта может усилить сопротивление достаточно независимого клиента вплоть до того, что он откажется от продолжения работы [Роджерс, 2008; Шостром, 2002];

- для дачи «объективного» совета необходимо быть «экспертом в ситуации», учитывать все нюансы, чего терапевт лишен; советы, основанные на неполных или неточных сведениях, не могут претендовать на объективность [Шостром, 2002; Алешина, 2004];

- прежде чем обратиться к конкретному психологу-консультанту, клиент уже мог получить много противоречивых советов (в том числе и от других консультантов), и еще один совет лишь увеличит его фрустрированность [Кочюнас, 1999; Fischhoff, 1992];

- предложение советов может быть формой контрпереноса, а потому советы, являясь проекцией взглядов, потребностей, ценностей и способов поведения самого консультанта, не будут соответствовать истинным интересам клиента [Шостром, 2002; Ягнюк, 2000].

В связи с этим континуум жесткости высказываний авторов учебных пособий по психологическому консультированию и психотерапии в отношении советов представлен от минимума¹ до максимума: от высказываний рекомендательного характера вроде «старайтесь не давать советов» [Кочюнас, 1999] и аккуратного «осторожное отношение к советам» [Елизаров, 2003] до императивов «психолог не дает / не должен давать советов» [Роджерс, 2008; Бондаренко, 2001] и однозначного табу — «запрет давать советы» [Алешина, 2004].

Подобное положение дел приводит к фрустрации ожиданий как у клиента, так и у начинающего специалиста-психолога. В самом деле, у врача получают рецепт, у священника — отпущение грехов и наставление, у юриста — консультацию как руководство к действию, а у психолога — обманутые ожидания? Однако выстроенные по аналогии с другими социальными коммуникативными практиками ожидания от психотерапевтического взаимодействия, на наш взгляд, разрушаются

¹ Есть также мнения, что советовать все-таки допустимо, особенно на начальных этапах консультирования, так как это вполне органично жанровой природе разговора, и избегание советов со стороны консультанта сделало бы общение искусственным [см., например: Копьев, 1991].

именно оттого, что стороны аналогии выбраны стереотипно и неверно, поскольку *психотерапевтическое взаимодействие* аконвенционально по своей природе и в корне отличается от других социальных коммуникативных практик.

«Психотерапевтическая практика как независимая область не могла развиваться до тех пор, пока не представлялась как вид специфической помощи, основанной на принципах, отличных от указания [убеждения, совета] и не укладывающихся в рамки причинно-следственной логики... Именно Фрейд, несмотря на все споры вокруг его теории, показал различие между практикой психоанализа и исцелением верой или житейскими советами... Он не дал ни одного совета — пока его клиент был на кушетке» [Karlin, 2002, p. 9]. Эта цитата подкрепляется вескими эмпирическими доказательствами.

Психологи Беверли Гомес-Шварц и Джозеф Шварц (Gomez-Shwartz V. & Shwartz J.) провели оригинальное сравнительное исследование, результаты которого показали, что если профессиональные психологи-консультанты (психотерапевты) во время психотерапевтических сеансов больше концентрируются на важных процессуальных вопросах психотерапии, то помощь отзывчивых, но не имеющих профессиональной подготовки людей заключается в неформальной беседе и выдаче советов [Gomez-Shwartz, Shwartz, 1978]. То есть то, что на поверхностном уровне может быть рассмотрено как внешняя директива-рецепт «не давать советов», на более глубоком уровне понимания сущности психотерапевтического взаимодействия предстает как его внутренняя атрибутивная составляющая. Иными словами, отвечая на вопрос: «Почему психолог не дает советов?», мы оказываемся перед двумя другими вопросами: «Что это за коммуникация, которая не приводит к выдаче совета?» и «Что же тогда дает (если вообще что-то дает) своему клиенту психолог?».

Семантика совета

Поскольку используемые в языковой практике слова провоцируют семантические коннотации, имеет смысл рассмотреть ближайшие семантические поля слов «совет» и «консультирование» и посмотреть, как они влияют на систему ожиданий.

Само использование термина «психологическое консультирование» для обозначения практики психологической помощи подталкивает к определенным выводам: поскольку одно из определений слова «консультирование» буквально означает «совет, даваемый специалистом» [Ожегов, 1999, с. 291], то для любого носителя языка очевидно, что «со-

вет» должен быть получен². В данном случае «совет» понимается как результат, как готовое знание, передаваемое вербально. При этом получающая совет сторона рассматривается как пассивная, некомпетентная и требующая помощи извне. Эта «инфантильная» позиция может быть рассмотрена как одна из сторон всех иерархически устроенных социальных интеракций: начальник и подчиненный (приказ), родитель и ребенок (наказ), учитель и ученик (задание, урок), вышестоящая и нижестоящая инстанции (указ) и т. д. Эта «вертикаль власти», пронизывающая социум с древнейших времен вплоть до настоящего времени и определяющая систему ожиданий участников любой социальной коммуникации, претендует на то, чтобы быть моделью любых (в том числе и консультационных, и психотерапевтических) отношений, в которых психолог позиционируется как вышестоящая, а клиент — как нижестоящая инстанции.

Как ни парадоксально, в нашей стране — бывшей стране Советов — понятие «совет» быстро сузило свой объем до именно готового, известного вышестоящей инстанции *знания*, которое может быть «выдано», как выдается инструкция. Понимаемый таким образом «совет» — это надындивидуальный, *имперсональный императив*, предполагающий *улучшение стандартной имперсональной ситуации* («мойте руки перед едой», «не переходите улицу на красный свет» и т. п.).

В силу такой фиксации смысла слова, когда мы «обращаемся за советом», то предполагаем, что он нам будет выдан, как выдается рецепт врачом или кулинаром. Содержание понятия в этом случае идентично содержанию понятия «ответ», т. е. «устранению познавательной неопределенности», который, в соответствии с принятыми в логике классификациями ответов, может (как и совет) быть компетентным или некомпетентным, полностью устраняющим познавательную неопределенность или частично и т. д. Такой совет-ответ можно рассматривать как социальный коммуникативный «минимум», который ожидают люди друг от друга в стандартных коммуникациях, рассчитывая, что «знатоки» знают лучше и при этом они достаточно моральны, чтобы сознательно не вводить спрашивающего в заблуждение.

Однако исходное для термина «консультирование» латинское слово «consultare» помимо «дачи совета» имеет и другое значение — «совещаться», которое также было присуще слову «совет» до его смыслового

² Термин «консультирование», как и его английский аналог «counseling», является производным от лат. *consultare* — советоваться, совещаться. Англоязычный термин даже своим корнем («counsel» — «совет») имеет указание на это.

выхолащивания. Издревле на Руси при возникновении проблемной ситуации люди «собирались на совет», т. е. на процесс, в ходе которого участниками совещания вынашивается некоторое новое, не имевшееся ранее, решение. Этот другой смысловой пласт слова «совет» говорит нам следующее: когда мы «собираемся на совет», то решения еще нет, и совет собирается для того, чтобы это решение «породить». Совет-совещание — это всегда совещание по конкретному случаю, а потому решение всегда представляет собой персональный императив по улучшению персональной³ ситуации (такой императив может быть предварен словами «в Вашем случае...», «в Вашей ситуации...», «для Вас...» и т. п.).

Казалось бы, что именно такой «совет» и является тем, что хочет получить консультируемый у консультанта. На бытовом языке это могло бы звучать так: «Консультант не отделался от меня банальным советом, а вошел в мою ситуацию и дал мне конкретный совет». На первый взгляд именно такой «конкретный», а не «банальный» совет и есть желаемое знание, которое может улучшить ситуацию. Но как указывает Б. Фишхоф (B. Fischhoff), «даже персональный совет может оказаться неудачным из-за чрезмерной убежденности [терапевта] в его правильности» [Fischhoff, 1992, р. 577]. Прекрасной иллюстрацией здесь служит описание О.В. Струговщиковой личного опыта консультирования он-лайн: «Давал советы... «Что бы Вам хотелось посоветовать, так это...». Полученные советы не приводили к разрешению ситуации, лишь усиливали сопротивление, заводя нашу переписку в тупик... После чего я сказала себе: «Всё, стоп!» и прекратила переписку» [Струговщикова, 2010, с. 98]⁴. Другими словами, даже будучи персональным, совет остается советом, а потому все аргументы «против» сохраняют свою силу. Более того, даже в этом случае, как нам представляется, специалист-психолог ничем бы не отличался от любого другого специалиста — юриста, врача, священника и т. п. Наш же тезис заключается в специфичности психотерапевтической коммуника-

³ Под «персональным» мы понимаем комплексную личностную ситуацию клиента, включающую его установки по поводу его личности (индивидуальности). Мы различаем процессы «персонализации» как выстраивания личности человека и «персонификации» как развития его целостной субъектности. По поводу различения персонализации и персонификации подробно см.: Орлов А.Б. (1995, 2002а), а также: Орлов А.Б., Орлова Н.А. Индивидуальность vs. индивидуность: роковой вопрос современности // Мир психологии. 2011. № 1. С. 32—44.

⁴ В этом описании почти дословно воспроизводится одна из приводимых ранее причин, почему консультанту не стоит давать советы.

ции. Поэтому, за исключением особых случаев (оговоренных ниже), мы считаем, что:

- «запрет на советы» является абсолютным, и
- «совет» (как речевой паттерн терапевта) и на имперсональном, и на персональном уровнях взаимодействия оказывается контр-терапевтическим.

Тут мы вплотную подходим к вопросу о существовании психотерапевтического взаимодействия и его отличии от других типов коммуникации.

Специфика психотерапевтического взаимодействия

Мы будем называть «психотерапевтическим взаимодействием» и психологическое консультирование, и психотерапию, допуская, что это именно те формы коммуникации, в которых «психотерапевтичность» реализована максимально. При этом другие формы коммуникации также могут быть психотерапевтическими в той или иной мере, а психологическое консультирование или психотерапия могут утратить «психотерапевтичность», если не будут соблюдаться условия психотерапевтического взаимодействия, и превратиться в любую другую форму коммуникации, вплоть до антипсихотерапевтической.

Поэтому, для понимания специфики, имеет смысл сразу же отвлечься от устойчивого и обманчивого представления, что коммуникация — это диалогическое общение тет-а-тет «человека 1» с «человеком 2».

В семиотике был подробнейшим образом разобран сам акт коммуникации и выделены его структурные составляющие⁵, при этом «адресат» и «адресант» мыслились «монолитно», как «точечные» полюса коммуникации. Особенность нашего подхода заключается в том, что мы рассматриваем ситуацию любой коммуникации психодинамически, т. е. с учетом *психических агентов* коммуникации, «расслаивая» монолитных «классических» адресата и адресанта и, тем самым, еще больше дифференцируя структуру коммуникации. Выявленные с помощью подобной дифференциации уровни коммуникации позволяют очень четко показать «границы» психотерапевтического взаимодействия и отличить его от непсихотерапевтических, в том числе и контрпсихотерапевтических, форм коммуникации.

Совершенно очевидно, что в разных психотерапевтических традициях такими агентами выступают разные психические сущности. Это могут быть психические инстанции классического психоанализа или онтопси-

⁵ См., напр.: Семиотика. М., 1983; *Барт П.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

хологии, элементы бинарной самости школы объектных отношений, психические комплексы аналитической психологии, субличности гештальтпсихологии, эго-состояния транзактного анализа и т. д., т. е. в зависимости от онтологических допущений той или иной теории мы будем иметь разную «анатомию» психотерапевтического взаимодействия.

Разрабатываемый нами триалогический подход к психотерапии и психологическому консультированию [Орлов, 1998, 2002а, 2002б], на наш взгляд, позволяет выработать единую методологическую платформу для полифонии психотерапевтических школ и направлений. Согласно данному подходу предлагается выделять не «инстанции», или «сущности», участвующие во взаимодействии, а «регистры», или «топосы», которые могут заниматься самыми разными психическими сущностями, но при этом сами имеют качественную окраску и, тем самым, влияют на качество проявления психических сущностей.

На наш взгляд система, максимально полно описывающая внутреннюю структуру психотерапевтического взаимодействия, предполагает учет трех «регистров» со стороны клиента и трех — со стороны терапевта. В отличие от классических субличных образований эти «регистры» могут вбирать в себя различные интрапсихические образования, но при этом особым образом «форматировать» сам *способ* их самопрезентации. Эти три «регистра» можно также назвать тремя «территориями»: изживания-действия (*внутренний наблюдатель*, или *визор*), переживания-чувства (*внутренний клиент*) и проживания-бытия (*внутренний терапевт*). С этими формами скоррелированы языки, или голоса, самопрезентации: внутренний наблюдатель использует знаковый язык поведения, внутренний клиент — сигнальный язык тела, внутренний терапевт — метафорический (образный) язык состояний.

При этом наряду с внутренней структурой психотерапевтического взаимодействия, существует его внешняя (также триалогическая) структура. В этой структуре, помимо терапевта и клиента, всегда присутствует, существует наблюдатель (*визор*): со стороны клиента он представлен фигурой *субвизора*, а со стороны терапевта — фигурой *супервизора*⁶, задающими качественную окраску внутренних визоров клиента и терапевта: со стороны клиента *внутренний субвизор* задает проблемное поле клиента (проблема, с которой приходит клиент), со стороны терапевта *внутренний супервизор* задает коммуникационную модель, в которой проблема может быть разрешена [Орлов, Орлова, 2011].

⁶ Подробно о супервизоре и супервизии в триалогическом подходе см.: Орлов А.Б., Орлова Н.А. Включенная супервизия как супервизия *par excellence* // Консультативная психология и психотерапия, 2011, № 4.

Таким образом, внутренняя оркестровка каждого участника психотерапевтического взаимодействия представлена тремя основными «регистрами»:

- внутренний наблюдатель,
 - внутренний клиент,
 - внутренний терапевт,
- и двумя оппозиционными модификациями «визорского регистра»:
- субвизор и
 - супервизор.

Эти «регистры» могут иметь разную долю участия в каждой конкретной интеракции, могут быть даже «выключены» из текущих интеракций, однако как «топосы» они сохраняют за собой потенциальную возможность быть задействованными. В силу этого можно предположить, что качество, стиль и форма самих интеракций будут меняться в зависимости от того, какие «регистры» задействованы у клиента и у терапевта в конкретный текущий момент.

Уровни коммуникации

Для наглядности можно предложить следующую таблицу уровней коммуникации, из которых уровни с 3-го по 5-й являются собственно уровнями психотерапевтического взаимодействия⁷, при этом в реальной консультационной и психотерапевтической практике задействованы, как правило, 3-й и 4-й уровни⁸, 2-й уровень является «промежуточным» и может быть «психотерапевтическим» в некоторых оговоренных ниже случаях, описание 5-го уровня чаще встречается в «несветских» (религиозных, мистических) практиках, хотя его элементы могут присутствовать и в светской коммуникации:

Таблица 1

Триалогическая система уровней коммуникации

№ п/п	Уровни коммуникации	Речевые паттерны участников коммуникации	
		I участник	II участник
1	Уровень субвизора	Навет/Извет и Допрос	Навет/Извет
2	Уровень внутреннего наблюдателя	Ответ	Вопрос/Опрос

⁷ В данной таблице уровни коммуникации (взаимодействия) и соответствующие им речевые паттерны совпадают, но, как правило, в реальных интеракциях происходит смещение уровней, что будет более подробно рассмотрено в связи с психотерапевтическим взаимодействием.

⁸ При этом разные психологические практики могут делать особый акцент на одном из этих трех уровней.

	Психотерапевтическое взаимодействие	Терапевт	Клиент
3	Уровень внутреннего клиента	Совет	Расспрос
4	Уровень внутреннего терапевта	Завет	Запрос
5	Уровень супервизора	Свет ⁹	Спрос

Рассмотрим каждый уровень подробнее.

Хотя *уровень субвизорской коммуникации* наблюдается ежедневно в наших бытовых и профессиональных межличностных коммуникациях и чрезвычайно обильно представлен лексически¹⁰, однако можно с высокой долей уверенности сказать, что только в жестких тоталитарных режимах этот стиль общения обозначается наиболее рельефно, становится нормой и эталоном для любой коммуникации. В наиболее чистом виде данный уровень (стиль) коммуникации можно наблюдать в отношениях «следователь — подследственный» в идеологизированной следственной ситуации, когда следователя интересует не правда произошедшего, а исключительно доказательство вины подследственного (подозреваемого). С психологической точки зрения, на наш взгляд, именно потому, что отношения «следователь — подследственный» активизируют субвизорский (в буквальном переводе на русский язык «преисполненный *подозрения*») уровень коммуникации, в цивилизованной юридической традиции принята «презумпция невиновности» как своего рода ограничитель этой активизации. Хотя следователь может доказывать вину подследственного, тот не должен доказывать своей невиновности, а тем более свидетельствовать о своей вине. Более того, юридическая

⁹ Употребляемое нами слово «свет», с одной стороны, близко понятиям просвета и простора М. Хайдеггера, говорящего о бытии — как о просторе и о сущем как о присутствии в разомкнутости бытию [Хайдеггер, 1997, с. 52, 136, 219] и что «посреди сущего в целом бытийствует открытое место. Это просвет... Сущее лишь тогда может быть сущим, когда оно вступает и выступает в просветленность просвета» [Хайдеггер, 1993, с. 85]. С другой стороны, важные для нас значения этих слов схвачены в таких устойчивых речевых оборотах, как: «беспросветная жизнь», «наконец-то появился просвет в жизни», «широкий простор» и т. д.

¹⁰ В русском языке [см., например, Даль, 1996] существует огромное количество глаголов с приставкой под-, характеризующих действия субвизора (действия снизу): подглядывать, подсматривать, подзирать, подозревать, подслушивать, подлавливать, подговаривать, подбивать, подзуживать, подстрекать, подбивать, поджигать, подкалывать, подделывать, подрывать, подмешивать, подмачивать, подметывать, подтачивать, подталкивать, подсовывать и т. д. Все эти действия атерапевтичны, поскольку основаны на недоверии к человеку и направлены на деформацию и разрушение его самоотношения.

традиция предполагает делегирование «говорения» специально обученному представителю подследственного — адвокату. Поэтому ситуация цивилизованного суда и следствия, высвечивая особенности субвизорского общения, оставляет место и для активации других регистров коммуникации, что оказывается совершенно невозможно в ангажированной, идеологизированной ситуации.

Опираясь на иллюстрацию идеологизированного следствия, можно сказать, что активность одной стороны подобной коммуникации, реализуя позицию подозреваемого, целиком опирается на «дознание» и вербально выражается в форме «допроса», а другой, подозреваемой стороне коммуникации, отводится роль «наветчика», поскольку она вынуждена оговаривать либо себя, либо — других. Как правило, чтобы вывести себя и других людей из-под удара, под «наветом» оказываются имперсональные инстанции — «ситуация вообще», «житейские обстоятельства», «плохая генетика» и т. п. При такой коммуникации практически отсутствует психологическая свобода, а пространство для творческой активности крайне сужено. Поэтому такую ситуацию можно назвать «беспросветной», а психологически она переживается как крайне «тягостная», «душная», «невыносимая» и т. п.

Если же посмотреть на внутреннее состояние сторон подобной коммуникации, то можно сказать, что все другие ее внутренние регистры при этом оказываются заблокированными у обеих сторон коммуникации, в силу чего стороны имеют склонность полностью идентифицироваться с субвизорскими регистрами и тем самым радикально сужать диапазон своих психологических реакций. Ситуацию человека, идентифицированного с субвизорской позицией, можно описать так:

- *внутренний терапевт* никак не проявляется и скрыт от самого индивида, который лишен готовности и способности к *эмфилии*¹¹, лишен возможности символического самовыражения на языке образов воображения, фантазии, интуиции;
- *внутренний клиент* также не актуализирован, и вследствие этого индивид лишен готовности и способности к *эмпатии* как в отношениях с другими людьми, так и в отношении с самим собой, а его тело лишено языка самовыражения;

¹¹ Эмфилия — термин, созданный по аналогии с термином «эмпатия» и обозначающий особую форму любви — совпадение, контактирование с наиболее глубокими, сущностными проявлениями жизни другого человека; эмфилия представляет собой рафинированного внутреннего терапевта.

• *внутренний наблюдатель* оказывается единственной активной инстанцией самоизживания в беспокойной и безудержной деятельности, полной неприятия себя и других, неготовности и неспособности к *эмлогическому*¹² контакту, выражающей себя в предельно жестком и ригидном знаковом языке¹³.

Каждая из трех позиций существует изолированно и негативно как психическая «лакуна».

Рафинирование субвизорской позиции приводит к разрыву коммуникации как с другими людьми, так и с самим собой, к разрыву между внутренними психическими структурами, к фрагментации и изоляции этих фрагментов. Не имея связи с внутренними ресурсными психическими зонами, люди в рафинированной субвизорской позиции производят на окружающих впечатление «энергетических вампиров», поскольку получают поддержку не от внутренних источников или позитивных внешних контактов, а от разрушения и деградирования либо агентов коммуникации, либо самой коммуникации. Опыт подобного рода коммуникации емко иллюстрируется словами Ж.-П. Сартра: «Ад — это другие»¹⁴.

Как правило, клиент входит в психотерапевтическое взаимодействие в значительной степени именно в субвизорской позиции, которая во многом и является источником его психологических и межличностных проблем. Вот почему «разблокирование» других регистров коммуникации является важнейшей задачей психотерапии. В связи с этим интересно отметить, что, описывая терапию параноидных личностей (в терминологии психоаналитической диагностики), у которых наиболее сильно развиты подозрительность и общее недоверие к какой бы то ни было коммуникации и агентам коммуникации, Н. Мак-Вильямс (2001) указывает, что именно переход к прозрачным, четким и внятным ответам на прямо поставленные вопросы является первым шагом к установлению приемлемых рамок общения.

Поэтому если в норме для клиента, приходящего в терапию, прямые ответы на прямые вопросы о времени, месте, цене и подобном проводи-

¹² Эмлогия — термин, созданный также по аналогии с термином «эмпатия» и обозначающий совпадение, контактирование с логикой рассуждений другого человека; эмлогия представляет собой способность рафинированного внутреннего наблюдателя.

¹³ Подробно о языках самопрезентации см.: Волкова Д.Э., Орлов А.Б., Орлова Н.А. Знак, метафора, символ — методология субъектности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 7. № 3. 2010. С. 89—120.

¹⁴ Цит. по http://www.philo5.com/Les%20philosophes%20Textes/Sartre_L%27EnferC%27EstLesAutres.htm#_1

мой терапии выглядят как внетерапевтическая «рамка» отношений, то для клиента с рафинированной субвизорской позицией это уже является терапевтическим процессом, поскольку «переключает» его субвизорский «регистр» на «регистр» внутреннего наблюдателя. Важно также отметить, что если в паре «допрос — навет» активной и доминирующей стороной является «вышестоящая» инстанция, то при переходе к паре «вопрос — ответ» субординированность сторон минимизируется, инициатива переходит к другой стороне диалога, сама рамка общения начинает позволять ему проявлять свою некомпетентность, потребность в помощи и т. д., что в рафинированной субвизорской позиции всегда оценивалось негативно как проявление слабости и жестко осуждалось. Рафинированная субвизорская позиция, блокируя любое отношение, основанное на помощи, поддержке, сочувствии и т. п., блокировало и саму возможность «допрашиваемой стороне» задавать вопросы, что хорошо передает высказывание представителя «компетентных органов» (какими бы они ни были): «Вопросы здесь задаю я!».

Поэтому при переходе коммуникации на уровень внутреннего наблюдателя происходит «разблокирование» эмлогического контакта. Именно этот уровень наиболее активно освоен в профессиональной коммуникации, начиная со старшей школы, когда учителя-предметники поощряют учеников задавать вопросы, правильно их формулировать и т. п. Огромный пласт человеческой коммуникации обслуживается именно этим уровнем и во многих случаях является достаточным. Более того, стороны коммуникации часто рассчитывают именно на него, ограничиваются исключительно им и воспринимают как излишнюю откровенность или несдержанность вовлечение в коммуникацию других регистров.

Поэтому обращение с вопросами к специалистам предполагает ожидание именно и только эмлогического контакта, т. е. того, что отвечающая сторона правильно поймет вопрос и будет в состоянии компетентно и правдиво на него ответить. Без этой трансляции знаний, которым мы можем доверять, человеческая цивилизация была бы невозможна. Именно поэтому в любой культуре то, что гарантирует этот тип коммуникации, всегда ценится предельно высоко. Можно даже сказать, что есть целые культуры, например, китайская, для которых такой жанр коммуникации является образцовым, что проявляется в идеале цзюньцзы (образованного благородного мужа) в конфуцианстве, в почтении к образованным людям вообще и в особой любви к упорядоченному и структурированному знанию — энциклопедиям, справочникам, кол-лекциям и классификациям.

Поэтому не удивительно, что в некоторых психотерапевтических практиках, особенно смежных с медициной, в специальной литературе можно встретить такие высказывания: «Консультирование в большей степени предполагает советы и рекомендации, исходящие от психолога, просвещение, информирование и разъяснение. Клиент получает профессиональный анализ проблемы, необходимые сведения и рекомендации практических действий, которые необходимы для ее решения» [Линде, 2001, с. 10]. Было бы неверно утверждать, что терапевт и клиент не должны устанавливать эмлогический контакт, что клиент не может получать от терапевта специальных знаний, особенно если эти знания касаются особенностей возрастной психологии, закономерностей развития высших психических функций, формирования сексуальности и т. п.

Однако в качестве «терапевтического», как уже отмечалось выше, подобное просвещение может быть в том случае, когда клиент слишком идентифицирован со своим субвизорским уровнем и в силу этого имеет фрагментарные, ошибочные или ложные мнения по конкретным вопросам. В психоаналитической литературе [см., напр.: Мак-Вильямс, 2001] подобные клиенты отнесены к пограничным психотипам, у которых нарушено тестирование реальности и которые могут иметь много спутанных, ложных мнений по различным вопросам. Например, клиент может быть убежден в том, что прививание детей опасно для их жизни, и тогда научные сведения, как и чем прививают и какие могут быть риски — это прояснение логической спутанности клиента, однако очевидно, что глубинные страхи, стоящие за страхом прививок, не могут быть сняты только одним предоставлением достоверной информации.

Поэтому, как уже было отмечено выше, если бы психотерапевтическое взаимодействие ограничивалось только этим регистром общения, то ни о какой его качественной специфике говорить было бы невозможно. В силу этого клиент, начинающий свое общение с терапевтом, как правило, именно с вопросов, в ходе этого общения приходит к формулированию *запроса*, т. е. совершенно особой формы вопроса, на который ни у него, ни у терапевта, ни у кого бы то ни было еще, нет готового ответа. Тем самым с имперсонального уровня клиент переходит на уровень персональный, связанный не с «ситуацией вообще», а с его конкретной (от лат. *concreescere* — «срастаться») ситуацией, представляющей собой сложное переплетение различных состояний и обстоятельств.

Поэтому первичный запрос всеми психотерапевтическими школами рассматривается как начало собственно психотерапевтического общения. При этом внутри психотерапевтического взаимодействия создает-

ся среда для активации у реального клиента латентно существующего, но еще не задействованного регистра *внутреннего клиента*, т. е. спектра переживаний, начиная от осознаваемых эмоций до более сложных бессознательных переживаний. Эти переживания начинают сначала проявлять себя посредством тела клиента, и феноменологические признаки этого подробно описаны в специальной литературе: снятие мышечных зажимов или их отчетливое прорисовывание, изменение (углубление) дыхания, изменение позы (на более расслабленную и открытую), изменение (углубление) тембра голоса и т. п. Эмоциональные и телесные комплексы выходят на первый план, внимание клиента теперь может концентрироваться (фокусироваться) на них, появляется язык их описания. Поэтому для терапевта чрезвычайно важно иметь глубокий и устойчивый контакт с собственными переживаниями, с собственным *внутренним клиентом*, чтобы опознавать его проявления у клиента. Именно работа в этом регистре маркирует собой переход от любой другой социальной коммуникации к коммуникации собственно психотерапевтической.

Из всего вышесказанного можно с высокой долей уверенности заключить, что качественное психотерапевтическое взаимодействие реализуется на уровне внутреннего клиента и внутреннего терапевта, а культивирование этих уровней в общении является инструментом обучения психотерапевтов.

Что же касается коммуникации на *уровне супервизора*, то она, скорее всего, появляется в терапевтической работе лишь эпизодически, поскольку предполагает высокую степень проработанности терапевта. Такая коммуникация описывается скорее как цель, к которой может стремиться каждый терапевт, чем как реальная практика: регистр *супервизора* характеризуется тем, что *внутренний терапевт* выступает как актуально существующая, открытая и пассивная позиция, субъект бытия (проживания) или субъект «ценностного процесса» (по К. Роджерсу), как готовность и способность к эмфилическому контакту с другим человеком, к конгруэнтному самовыражению и выражению другого человека посредством символических образов и состояний. *Внутренний клиент* является актуально существующей открытой и активной позицией, субъектом эмпатического переживания, готовностью и способностью эмпатировать другому человеку и самому себе с помощью сигнального языка тела. *Внутренний наблюдатель* проявляется как активная, актуально существующая, открытая позиция безусловного позитивного принятия-изживания другого, готовность и способность к эмлогическому контакту, принятию и позитивному изживанию другого и самого

себя с помощью рационального знакового языка. Все три позиции *внутреннего триалога* сосуществуют, свободно взаимодействуют, образуют единый аутокоммуникативный контур и одновременно могут быть свободно выражены вовне, в пространство межличностной коммуникации. Такой *внутренний триалог* — это предельно развитый, завершённый процесс персонификации, т. е. персонификация как конечное состояние.

Можно даже говорить о том, что этот регистр затрагивает трансперсональные зоны психического, поэтому может переживаться как нуминозное (К.Г. Юнг) влияние, а используемые нами слова «простор» и «просвет» призваны показать, что терапевт создает «просторные» условия для клиента, не отторгая и не девальвируя никакие его проявления, а клиент переживает это состояние как «обновляющее», как дающее «новое дыхание» и т. п. Поэтому общение на уровне супервизора прямо противоположно общению на уровне субвизора, и, перефразируя Ж.-П. Сартра, мы могли бы сказать: «Рай — это другие».

К. Роджерс так описывал этот уровень психотерапевтической коммуникации: «Когда я нахожусь в наилучшей форме как фасилитатор или терапевт, т. е. когда я ближе всего к моему внутреннему, интуитивному Я, когда я каким-то образом соприкасаюсь с неизвестным во мне, когда, возможно, я нахожусь в слегка изменённом состоянии сознания, тогда все, что бы я ни делал, оказывается целительным. Тогда просто мое присутствие освобождает и помогает. Я не могу ничего сделать, чтобы вызвать это состояние, но когда я могу расслабиться и стать ближе к своей трансцендентальной сущности, тогда я в отношении с клиентом могу вести себя странно и импульсивно, чему я не могу найти рациональных оправданий и что никак не связано с моими мыслительными процессами. Однако каким-то странным образом такое поведение оказывается верным. В такие моменты кажется, что мой внутренний дух вышел вовне и прикоснулся к внутреннему духу другого человека. Наше отношение трансцендирует себя и становится частью чего-то большего. Имеют место существенные и очевидные рост, исцеление, энергия» [Роджерс, 2001, с. 50].

На полюсе клиента переход в этот регистр психотерапевтического взаимодействия переживается как превращение эпизодически возникшего запроса в постоянную потребность, нужду, *спрос* на такое взаимодействие. А результат такого взаимодействия уже не ограничивается сферой внутреннего, субъективного, заветного, но существенно видоизменяет все мироощущение и мировосприятие клиента. Первоначально возникающий для клиента *просвет* в его жизненной ситуации, воспринимавшейся ранее как беспросветной, постепенно сменяет ощущение

ние начинающегося *рассвета*, обновления, новой жизни. Что дальше? Свет, только *свет*.

Таким образом, осуществление собственно психотерапевтических функций предполагает в деятельности психотерапевта минимизацию субвизорских влияний, всякого рода (о)суждений (оценочных, рассудочных, гипотетических и т. п.) наряду с активным использованием других регистров, с учетом интересов клиента на всех уровнях (поведенческом, эмоциональном, семантическом) его существования.

Стратегии психотерапевтического взаимодействия

Следует отметить, что в современном психологическом консультировании существуют две различные стратегии психотерапевтического взаимодействия как реализации двух различных стратегических целей:

1) коррекция позиции клиента — его поведения и видения, при этом клиент пользуется консультантом как внешним ресурсом коррекции; в этом случае психологическое консультирование выступает как *психокоррекция*;

2) трансформация позиции клиента — его поведения и видения, при этом используются внутренние ресурсы самого клиента; в этом случае психологическое консультирование выступает как *психопрактика*.

Первая «поведенческая» (или «персонализационная») стратегия дает совет на исходный запрос консультируемого, выявляет оптимальный поведенческий паттерн или оптимальную когнитивную концепцию для консультируемого (примером такой терапии может выступать краткосрочная, ориентированная на решение, терапия). В этом случае совет специалиста является вполне оправданным, он формулируется на языке первичного запроса клиента, в логике манипулирования чужим или своим поведением и предполагает контроль над действиями. Таким образом, в пределах таких подходов, как психокоррекция, клиническое психологическое консультирование, коучинг, профессиональная консультация и профессиональная ориентация или психологическое консультирование по вопросам детского развития совет с опорой на объективные показатели является уместным и приемлемым.

Вторая «субъектная» (или «персонификационная») стратегия предполагает трансформацию исходного запроса клиента в процессе подключения более глубоких уровней опыта и внутриспихических регистров консультируемого. Именно в случае такого консультирования оказывается уместным запрет на советы либо же советы рассматриваются как промежуточные инструменты повышения саморегуляции и т. п. [Копьев, 1991], но не как результат психотерапии.

Поэтому если для психокоррекции совет может быть итогом консультирования, то для психопрактики значимым оказывается актуализация *внутреннего терапевта* самого клиента как внутренней ресурсной зоны, поскольку, как справедливо отмечал Р. Мэй, «...советом человека не переделат... Истинное консультирование проводится на более глубоком уровне» [Мэй, 2002, с. 155]. «Истина должна быть пережита, а не преподана», — афоризм древнекитайского философа Чжуан-цзы как нельзя точнее отражает сущность психопрактики. Такое терапевтическое по своей сути взаимодействие оказывается возможным только в том случае, если сам терапевт имеет доступ к этому своему интрапсихическому регистру и может сделать его доступным в межличностном общении для другого человека.

Терапевт как условие психотерапевтического взаимодействия

Таким образом, для полноценного становления терапевта необходимо освоение и рафинирование всех его трех внутренних регистров. Такое «личное» знакомство с каждым из них позволяет терапевту видеть и понимать качество и адресата контакта при работе с клиентом. Поэтому многообразие техник, используемых в рамках триалогического подхода, нужно рассматривать не как проявление модного психотерапевтического эклектизма и инструментализма, а как результат осознанного стремления психотерапевта говорить на языке клиента с учетом интраперсонального многообразия его языков. Владение «тремя диалектами души» — неперенное условие не только установления контакта с тремя инстанциями *внутреннего триалого* клиента, но и проговаривания-осознания этих инстанций клиентом и, следовательно, реинтеграции этих инстанций на основе *внутреннего терапевта* или, другими словами, — условие процесса персонификации. Вне и без такой экстерииоризации инстанций *внутреннего триалого* клиента нет возможностей для его позитивных личностных изменений, т. е. для реорганизации его личностной структуры.

Личностная проработанность психотерапевта обеспечивается, в свою очередь, такими необходимыми элементами его профессиональной подготовки, как психологическое образование, психотехнический тренинг и психопрактический опыт: освоение основных позиций *внутреннего триалого* — позиции клиента в практике личной психотерапии, позиции психотерапевта в практике работы с клиентами, позиции наблюдателя-супервизора в практике включенных супервизий и интервизий.

Актуальная и одновременная активизированность всех инстанций *внутреннего триалого* психотерапевта обеспечивает особое качество его

присутствия в психотерапевтической ситуации, особое целостное участие в жизни клиента и особую возможность трансперсональной встречи, утоляющей «боль одиночества и клиента, и терапевта» [Роджерс, 1993, с. 74].

Совокупность всех этих форм внутренней работы психотерапевта позволяет, с одной стороны, создать комплекс необходимых и достаточных условий для осмысленной и осознанной проработки (культивирования, рафинирования) инстанций *внутреннего триалога* психотерапевта, а с другой — получить необходимый личный опыт персонифицирующей (позитивной) активизации, осознания и выражения этих инстанций.

Клиент в динамике психотерапевтического взаимодействия

Для клиента психотерапевтический процесс развивается как последовательность, складывающаяся из трех основных этапов: 1) эмлогическое принятие терапевтом мыслей и представлений клиента; 2) эмпатическое понимание терапевтом эмоций, переживаний и чувств клиента; 3) эмфилическое выражение интуиций и образов клиента.

Последовательная проработка отдельных инстанций *внутреннего триалога* клиента обнаруживает себя разотождествлением с фиксированными регистрами и одновременно с их освоением, когда меняются исходные связи, существующие между ними и языками их самовыражения. Сначала происходит разотождествление клиента с *субвизором*, а затем и с *внутренним наблюдателем*, существующим на территории изживания-действия и говорящим на знаковом рациональном языке. *Внутренний наблюдатель* уступает свое «место» *внутреннему клиенту*, который теперь обнаруживает себя не только сигнальным телесным языком, но и в речи. Вслед за освоением этой территории происходит разотождествление с *внутренним клиентом*, который в свою очередь уступает свое место *внутреннему терапевту*, «внутреннему сигнальщику» [см.: Байярд, Байярд, 2008], выходящему теперь из зоны молчания и обнаруживающему себя на языке метафорических образов. Если в начале сеанса консультант воспринимается клиентом как «эксперт», то к концу ситуация кардинально меняется, в роли «эксперта» клиент осознает себя. Не случайно давать советы и рекомендации, как отмечает Э. Шостром, консультанту становится всё труднее по мере увеличения времени работы с клиентом [Шостром, 2002].

Возвращаясь к описанию уровней коммуникации, можно сказать, что на уровне *внутреннего терапевта* возникают условия для персонифицирующей трансформации клиента, появление нового качества ком-

муникации его с самим собой и с другими людьми. Это новое качество возникает за счет освоения территории *внутреннего терапевта*, манифестирующего себя образным языком, насыщенным авторскими метафорами и позволяющим принять области внутреннего опыта клиента, которые до этого были исключены или девальвированы. Увеличение самоприятия клиента осуществляется через его завет с этим опытом, который позволяет удерживать этот опыт в сфере осознанного восприятия¹⁵. Подобная самоинтеграция на основе самоприятия — важнейшая особенность психотерапевтического взаимодействия, его качественное отличие от других коммуникаций. Таким образом, мы исходим из того, что основным дифференцирующим параметром психотерапевтичности взаимодействия является степень персонализации-персонификации [Орлов, 1995, 2002б] психических структур участников общения.

Совет vs. Завет

Подытоживая, можно выделить следующие отличия совета от завета:

- 1) совет дается внешней инстанцией вне логики какой бы то ни было внутренней работы клиента, завет — это формулировка в логике внутренней работы, звучащая одновременно и извне, и изнутри и предполагающая самостоятельное решение и самостоятельно принятые обязательства клиента;
- 2) совет не предполагает психологического контакта с клиентом, завет без контакта невозможен (т. е. является, с одной стороны, плодом психологического контакта, с другой, мерилем его качества);
- 3) советы слабо контекстны, в силу этого можно привести множество примеров советов, но практически невозможно привести пример завета, который сильно контекстен, так что понять его формулировку можно лишь с учетом всего ранее сказанного, всей коммуникации между клиентом и терапевтом¹⁶;

¹⁵ Аллюзии на «новый» и «ветхий» заветы являются в данном контексте вполне актуальными. Устанавливая с помощью завета устойчивую связь с игнорируемыми ранее областями своего внутреннего опыта, клиент берет на себя новые обязательства по отношению к ним.

¹⁶ Например, в «случае Джен» [Роджерс, 2001] клиентка так формулирует свой запрос: «У меня две проблемы. Первая — это страх перед браком и рождением детей. Вторая — это старение» [там же, с. 51]. Формулировка завета, предлагаемого терапевтом, такова: «Возможно, вам следует ее поискать!» [там же, с. 56]. В этой понятной только в контексте всей их коммуникации фразе терапевт предлагает клиентке завет с ее временно утраченной внутренней инстанцией, которая является ресурсной. Но без предварительной активизации ее у Джен подобное предложение К. Роджерса было бы невозможно.

4) совет формулируется на знаковом языке, завет метафоричен¹⁷, что также затрудняет его понимание теми, кто не включен в данный конкретный психотерапевтический процесс;

5) реализация совета предполагает использование внешних ресурсов (привлечение внешних средств, других людей, дополнительной информации и т. д.), реализация завета предполагает обращение к ресурсам внутренним;

6) совет возникает быстро, так как существует априорно, до ситуации, завет — медленно, часто к окончанию консультаций, как результат самопонимания;

7) совет имеет невысокую субъективную стоимость (его легко выслушать и легко отклонить), завет — жизненно значим (подчас его тяжело слушать — в том случае если он первоначально проговаривается терапевтом) и воспринимается слушающим как единственно верный.

* * *

В логике и системе представлений триалогического подхода к психотерапии можно дать два следующих определения самой этой практики.

Психотерапию можно определить как персонифицирующее межличностное общение, создаваемое и предлагаемое психотерапевтом для персонализированной личности клиента. О том, что психотерапевтическое общение является персонифицирующим, свидетельствуют такие его специфические особенности, как примат слушания над говорением и эмоционального содержания (переживаний и чувств) над когнитивным содержанием (сведениями, информацией), а также безоценочность, эмпатичность, конгруэнтность и... *заветность*. Для конвенционального, персонализирующего общения, напротив, характерны примат говорения над слушанием и когнитивного содержания над содержанием эмоциональным, оценочность, аэмпатичность, инконгруэнтность и в результате *советование*.

Психотерапию можно определить также как систему взаимодействующих *внутренних триалогов*, в которой для *внутреннего триалога* клиента характерна динамика переходов от исходной идентификации с *субвизорской* позицией к последовательной актуализации позиций *внутреннего наблюдателя, внутреннего клиента и внутреннего терапевта*, т. е. персонификация как *процесс*, а для *внутреннего триалога* психотерапев-

¹⁷ Б.Д. Карвасарский, например, прямо предлагает различать совет и психотерапевтическую метафору [Психотерапевтическая энциклопедия, 2006], что вполне созвучно нашим представлениям.

та характерна стабильность и рафинированность всех трех позиций и их свободное взаимообобщение, или персонификация как *состояние*.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешина Ю.Е.* Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. М.: «Класс», 2004. 204 с.
- Байярд Р. и Дж.* Ваш беспокойный подросток (Руководство практического психолога). М.: «Академический проект», 2008. 107 с.
- Бондаренко А.Ф.* Психологическая помощь. М.: «Класс», 2001. 336 с.
- Вайнер И.* Основы психотерапии. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
- Волкова Д.Э., Орлов А.Б., Орлова Н.А.* Знак, метафора, символ — методология субъектности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 7. № 3. 2010. С. 89—120.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
- Для чего нужны специалисты в психологии и психотерапии? [Электронный ресурс] // Психология и психотерапия [сайт]. URL: <http://gestalt-psychology.blogspot.com/2011/03/blog-post.html> (дата обращения: 02.11.2011).
- Елизаров А.Н.* Основы индивидуального и семейного психологического консультирования: Учебное пособие. М.: «Ось-89», 2003. 336 с.
- Копьев А.Ф.* Особенности индивидуального психологического консультирования как диалогического общения: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 1991. 18 с.
- Кочюнас Р.* Основы психологического консультирования М.: «Академический проект», 1999. 240 с.
- Линде Н.Д.* Психологическое консультирование. М.: «Аспект Пресс», 2009. 255 с.
- Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. М.: «Класс», 2001. 480 с.
- Мэй Р.* Искусство психологического консультирования. М.: «Эксмо-Пресс», 2002. 256 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: «Азбуковник», 1999. 944 с.
- Орлов А.Б.* Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 5—19.
- Орлов А.Б.* Психологическое консультирование и психотерапия: триалогический подход // Вопросы психологии, 2002а. № 3. С. 3—19.
- Орлов А.Б.* Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М.: «Академия», 2002б. 272 с.
- Орлов А.Б.* Человекоцентрированное консультирование как область практики и учебная дисциплина: триалогический подход // Развивающаяся психология — основа гуманизации образования / Под ред. В.Я. Ляудис, Н.Н. Корж. М.: РПО, 1998. С. 172—173.

- Орлов А.Б., Орлова Н.А.* Включенная супервизия как супервизия *par excellence* // Консультативная психология и психотерапия, 2011. № 4. с. 5—24.
- Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского, 3-е изд., перераб.и доп. СПб.: «Питер-Юг», 2006. 944 с.
- Роджерс К.* Элен Вест и одиночество // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 3. С. 69—74.
- Роджерс К.* Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 48—58.
- Роджерс К.* Консультирование и психотерапия. М.: Изд-во Института психотерапии, 2008. 512 с.
- Струговщикова О.В.* Проверено на себе (мой клиентский опыт е-терапии) // Психологическое консультирование Онлайн, 2010. № 3. С. 96—103.
- Хайдеггер М.* Творение и истина // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: «Гнозис», 1993. 464 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: «Ad Marginem», 1997. 452 с.
- Шостром Э.* Терапевтическая психология. Основы консультирования и психотерапии. М.: «Эксмо-Пресс», 2002. 623 с.
- Ягнюк К.В.* Анатомия терапевтического вмешательства: типология техник [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. Электронный журнал. 2000. №3. URL: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20000303> (дата обращения: 02.11.2011).
- Ялом И.* Дар психотерапии. М.: «Эксмо», 2005. 352 с.
- Fischhoff B.*, 1992. Giving Advice: Decision Theory Perspectives on Sexual Assault: *American Psychologist*. Vol. 47 (4). 577—588.
- Gomes-Schwartz B., Schwartz J.*, 1978. Psychotherapy process variables distinguishing the «inherently helpful» person from the professional psychotherapist: *Journal of Counseling and Clinical Psychology*. Vol. 46 (1). 196—197.
- Karlin R.*, 2002. Advice and Consent: Demand Characteristics, Ritual, and the Transmission of Practical Wisdom in the Clinical Context // *Prevention & Treatment*. Vol. 5 (1). <http://journals.apa.org/prevention/> (accessed November 2, 2011).
- Sartre J.-P.* L'existentialisme athee http://www.philo5.com/Les%20philosophes%20Textes/Sartre_L%27EnferC%27EstLesAutres.htm#_1 (accessed November 2, 2011).

WHAT DOES A CLIENT RECEIVE FROM A PSYCHOTHERAPIST?

A.B. ORLOV, N.A. ORLOVA, M.S. PERMOGORSKIJ

In this article the authors, developing the thesis of the therapeutic interaction as unconventional social communicative practice, answer on two questions: «What kind of communication that does not lead to giving advice?» and «What, then, gives psychologist-psychotherapist (if anything does) to the client?». According to the

authors' triological approach to psychotherapy and counseling the degree of personalization-personification of the participants' mental structures in the communication is main differentiating parameter. The representations of the five levels of psychotherapeutic communication showed that the therapeutic (personified) communication is characterized by the primacy of listening on speaking and emotional content (emotions and feelings) on the cognitive content (data, information), as well as unconditional regard, empathy, congruence and ... covenant; whereas the conventional (personalized) communication, in contrast, is characterized by the primacy of speaking on listening and cognitive content on the emotional content, judgments, unempathy, incongruence, and as a result the advise.

Keywords: psychologist-psychotherapist, client, psychotherapy, advice, triological approach to psychotherapy and counseling.

- Aleshina Ju.E.* Individual'noe i semejnoe psihologicheskoe konsul'tirovanie. M.: «Klass», 2004. 204 s.
- Bajjard R. i Dzh.* Vash bespokojnyj podrostok (Rukovodstvo prakticheskogo psihologa). M.: «Akademicheskij proekt», 2008. 107 s.
- Bondarenko A.F.* Psihologicheskaja pomow'. M.: «Klass», 2001. 336 s.
- Vajner I.* Osnovy psihoterapii. SPb.: Piter, 2002. 288 s.
- Volkova D.Je., Orlov A.B., Orlova N.A.* Znak, metafora, simvol — metodologija sub'ektnosti // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. T. 7. № 3. 2010. S. 89—120.
- Dal' V.I.* Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: V 4 tt. SPb.: TOO «Diamant», 1996.
- Dlja chego nuzhny specialisty v psihologii i psihoterapii? [Jelektronnyj resurs] // Psihologija i psihoterapija [sajt]. URL: <http://gestalt-psychology.blogspot.com/2011/03/blog-post.html> (data obravenija: 02.11.2011).
- Elizarov A.N.* Osnovy individual'nogo i semejnogo psihologicheskogo konsul'tirovanija: Uchebnoe posobie. M.: «Os'-89», 2003. 336 s.
- Kop'ev A.F.* Osobennosti individual'nogo psihologicheskogo konsul'tirovanija kak dia-logicheskogo obsnenija: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1991. 18 s.
- Kochjunas R.* Osnovy psihologicheskogo konsul'tirovanija M.: «Akademicheskij proekt», 1999. 240 s.
- Linde N.D.* Psihologicheskoe konsul'tirovanie. M.: «Aspekt Press», 2009. 255 s.
- Mak-Vil'jams N.* Psihoanaliticheskaja diagnostika. M.: «Klass», 2001. 480 s.
- Mjej R.* Iskusstvo psihologicheskogo konsul'tirovanija. M.: «Eksmo-Press», 2002. 256 s.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju.* Tolkovij slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeo-logicheskikh vyrazhenij / RAN, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. M.: «Azbukovnik», 1999. 944 s.
- Orlov A.B.* Lichnost' i sushnost': vneshnee i vnutrennee Ja cheloveka // Voprosy psihologii, 1995. № 2. S. 5—19.
- Orlov A.B.* Psihologicheskoe konsul'tirovanie i psihoterapija: triologicheskij podhod // Voprosy psihologii, 2002a. № 3. S. 3—19.

- Orlov A.B.* Psihologija lichnosti i sushnosti cheloveka: paradigmy, proekcii, praktiki. M.: «Akademija», 2002b. 272 s.
- Orlov A.B.* Chelovekocentrirovannoe konsul'tirovanie kak oblast' praktiki i uchebnaja disciplina: trialogicheskij podhod // Razvivajushajasja psihologija — osnova gumanizacii obrazovanija / Pod red. V.Ja. Ljaudis, N.N. Korzh. M.: RPO, 1998. S. 172—173.
- Orlov A.B., Orlova N.A.* Vkljuchennaja supervizija kak supervizija par excellence // Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija. 2011. № 4. S. 5—24.
- Psihoterapevticheskaja enciklopedija / Pod red. B.D. Karvasarskogo, 3-e izd., pererab. i dop. SPb.: «Piter-Jug», 2006. 944 s.
- Rodzhers K.* Jellen Vest i odinochestvo // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. 1993. № 3. S. 69—74.
- Rodzhers K.* Klientocentrirovannyj/chelovekocentrirovannyj podhod v psihoterapii // Voprosy psihologii. 2001. № 2. S. 48—58.
- Rodzhers K.* Konsul'tirovanie i psihoterapija. M.: Izd-vo Instituta psihoterapii, 2008. 512 s.
- Strugovshikova O.V.* Provereno na sebe (moj klientskij opyt e-terapii) // Psihologicheskoe konsul'tirovanie Onlajn, 2010. № 3. S. 96—103.
- Hajdegger M.* Tvorenje i istina // Hajdegger M. Raboty i razmyshlenija raznyh let. M.: «Gnozis», 1993. 464 s.
- Hajdegger M.* Bytie i vremja. M.: «Ad Marginem», 1997. 452 s.
- Shostrom Je.* Terapevticheskaja psihologija. Osnovy konsul'tirovanija i psihoterapii. M.: «Eksmo-Press», 2002. 623 s.
- Jagnjuk K.V.* Anatomija terapevticheskogo vmeshatel'stva: tipologija tehnik [Elektronnyj resurs] // Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza. Elektronnyj zhurnal. 2000. № 3. URL: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20000303> (data obrashenija: 02.11.2011).
- Jalom I.* Dar psihoterapii. M.: «Eksmo», 2005. 352 s.
- Fischhoff B.*, 1992. Giving Advice: Decision Theory Perspectives on Sexual Assault: American Psychologist. Vol. 47 (4). 577—588.
- Gomes-Schwartz B., Schwartz J.*, 1978. Psychotherapy process variables distinguishing the «inherently helpful» person from the professional psychotherapist: Journal of Counseling and Clinical Psychology. Vol. 46 (1). 196—197.
- Karlin R.*, 2002. Advice and Consent: Demand Characteristics, Ritual, and the Transmission of Practical Wisdom in the Clinical Context // Prevention & Treatment. Vol. 5 (1). <http://journals.apa.org/prevention/> (accessed November 2, 2011).
- Sartre J.-P.* L'existentialisme athee http://www.philo5.com/Les%20philosophes%20Textes/Sartre_L%27EnferC%27EstLesAutres.htm#_1 (accessed November 2, 2011).